

Глинская Н. П.

ЭВОЛЮЦИЯ ТЕРМИНА В СУДЕБНОМ ДИСКУРСЕ (НА МАТЕРИАЛЕ РЕШЕНИЙ ВЕРХОВНОГО СУДА США)

Адрес статьи: www.gramota.net/materials/1/2007/3-1/25.html

Статья опубликована в авторской редакции и отражает точку зрения автора(ов) по рассматриваемому вопросу.

Источник

Альманах современной науки и образования

Тамбов: Грамота, 2007. № 3 (3): в 3-х ч. Ч. I. С. 65-67. ISSN 1993-5552.

Адрес журнала: www.gramota.net/editions/1.html

Содержание данного номера журнала: www.gramota.net/materials/1/2007/3-1/

© Издательство "Грамота"

Информация о возможности публикации статей в журнале размещена на Интернет сайте издательства: www.gramota.net

Вопросы, связанные с публикациями научных материалов, редакция просит направлять на адрес: almanac@gramota.net

«предпрозой» на котором отрабатывались приёмы будущего зрелого стиля Булгакова. Булгаков и Зощенко с тревогой показывали, что усиленно внедряемые принципы классово-морали приводят к деформации традиционных отношений детей и родителей, любви, родственных связей, обычных правил приличия.

Ещё один важный аспект сходства - философский характер сатиры: у Булгакова в романе «Мастер и Маргарита», у Зощенко в «Голубой книге». Сатира Булгакова также роднится с сатирой Е.Замятина. Булгаков развивал некоторые мотивы романа «Мы». Протест против всемогущества государства, присваивающего себе результаты интеллектуального труда учёного, явственен в повести «Роковые яйца». Булгаков и Замятин своей сатирой противостояли уравнилельным тенденциям, попыткам воплотить в жизнь всечеловеческую утопию.

У Булгакова также много сходства с платоновской сатирой. Ретивые платоновские преобразователи напоминают энергичных «экспериментаторов» из произведений Булгакова (Рок, Шариков) при всём различии творческих манер обоих сатириков, только у Платонова в большей степени показаны чудовищные последствия для народной жизни деятельности этих «преобразователей». Оба сатирика высмеивали также писателей, ставших услужливыми «подручными авангарда». Ещё одно сходство как заметил Л.Ф.Ершов, роднит сатиру Булгакова с сатирой Платонова это одна жанрово-стилевая линия, гротескно-гиперболическая [Ершов 1977: 4].

М.А.Булгаков является представителем, так называемой демократической сатиры, в которую входили такие писатели как Е. Замятин, М.Горький, А.Аверченко, М.Зощенко, Л.Леонов, Н. Эрдман, А.Платонов. Резкое сатирическое осмеяние основ советского строя, большевистских идей и морали осуществлялось с позиций общечеловеческих, нравственных ценностей и национальных идеалов. Именно поэтому Булгаков испытал чудовищное политическое и идеологическое давление. Яростные нападки критики и цензурные преследования привели к запрету этого направления.

Своеобразие и жанровая общность сатиры Булгакова не исчерпывается названными нами именами. Можно провести также сопоставления с рассказами Л. Лунца, романом И.Эренбурга «Хулио Хуренито», сборником Б.Лавренёва «Шалые повести», романом Ю. Олеси «Зависть», творчеством В.Каверина 20-х годов.

Гуманистические идеалы Булгакова, в основу которых были положены христианская нравственность и западные культурные ценности, склад его ума и таланта обусловили злободневную, глубокую и масштабную проблематику его сатиры. Уже в рассказах и фельетонах Булгаков изображает «бесчисленные уродства» советского быта не как «пережитки прошлого», но как результат деятельности новой власти.

Н.С.Степанов в своей монографии утверждает, что: «творческая деятельность Булгакова ознаменована поисками новых жанровых форм» [Степанов 2002: 36]. Можно отметить симбиоз очерка и новеллы, драматизированные рассказы и «театрализованные» фельетоны. Сатирическая повесть Булгакова имеет в качестве жанровой первоосновы научно-фантастическую повесть, которая дополняется сказочными, антиутопическими и памфлетными жанровыми элементами.

Сатира во многих произведениях Булгакова носит юмористический оттенок. Булгаковские персонажи подвергаются не столько обличению, сколько парадоксально-дерзкому «смеховому опрокидыванию» (формула Д.С.Лихачёва) [Лихачёв 1983: 58].

Сатира М.А.Булгакова принадлежит к крупнейшим явлениям русской литературы XX века. Именно поэтому изучение сатиры М.А.Булгакова в литературоведении очень важно она даёт нам возможность более углубиться в творчество М.А.Булгакова.

Список использованной литературы

1. **Ершов Л.Ф.** Сатирические жанры русской советской литературы. Л., 1977.
2. **Лихачёв Д.С.** О литературе. М., 1983.
3. **Степанов Н.С.** Сатира Михаила Булгакова в контексте русской сатиры XIX-I половины XX веков. Автореф. ... доктора филол. наук. М., 2002.
4. **Чудакова М.О.** Поэтика Михаила Зощенко. М., 1979.

ЭВОЛЮЦИЯ ТЕРМИНА В СУДЕБНОМ ДИСКУРСЕ (НА МАТЕРИАЛЕ РЕШЕНИЙ ВЕРХОВНОГО СУДА США)

*Глинская Н. П.
МГУ им. М. В. Ломоносова*

Еще на заре двадцатого века Альбер Сеше ставил перед лингвистами задачу выяснения того, «каким образом изолированные символы превращаются во фрагменты предложения, и каким образом символы, в соответствии со все более и более совершенными синтаксическими средствами выражения проходят различные этапы в сторону более законченной специализации» [Сеше 2003:180]. В данной работе предпринята попытка исследования динамики развития юридического термина на примере знака *neutrality* в текстах судебных решений Верховного суда США в течение ста последних лет с целью выявления основных линий эволюции термина и этапов его развития.

Верховный суд США, являясь по сути Конституционным судом, представляет собой группу независимых, несменяемых на протяжении многих лет судей высочайшей квалификации. Окончательное судебное решение не исчерпывается субъективным мнением одного судьи-автора, а представляет собой интеграцию всех возможных смыслов обсуждаемого дела. Языковой коллектив Суда как определенное сообщество людей, общающихся на языке права, детерминирует функционирование и развитие юридических терминов.

Наше обращение именно к юридическому понятию *neutrality* обусловлено прежде всего тем, что понятие нейтралитета между государством и церковью относится к числу тех немногих органично связанных с жизнью американского общества правовых понятий, которые начиная с колониальных времен оказали значительное влияние на развитие правовой системы в целом и отдельных правовых явлений в частности. Судья Харлэн назвал концепт нейтралитета *a coat of many colors* и подчеркнул значимость данного понятия для развития правовой системы США. Постепенное терминологическое освоение и осмысление этого понятия становится завоеванием языкового коллектива Верховного Суда США, а затем и достоянием всего профессионального сообщества.

Придание термину *neutrality* значения «отстраненной позиции государства по отношению к религиозным учреждениям, политики отказа от помощи, равно как и создании каких-либо препятствий по отношению к церкви», впервые происходит в деле *EVERSON v. BOARD OF EDUCATION OF EWING TP.*, 330 U.S. 1 (1947). В решении суда по этому делу транспортные услуги для детей религиозных школ, наряду с услугами правоохранительных и спасательных служб, приобрели статус конституционных. Однако результат голосования судей 5-4 явно свидетельствовал о том, что вопрос распределения государственной помощи государственным и религиозным школам остался дискуссионным.

Примерно через двадцать лет при обсуждении вопроса о помощи государства в снабжении учебными пособиями как государственных школ, так и частных и религиозных школ *BOARD OF EDUCATION v. ALLEN*, 392 U.S. 236 (1968), суд опять разделился и впервые признал допустимость помощи религиозным школам учебниками. В ходе данного судебного дела у термина *neutrality* появилось новое осмысление - «конфессиональная нейтральность, отсутствие идеологической основы». За последующие годы от дела к делу список мер государственной помощи постепенно расширяется на предоставление зданий, услуг, снабжение материалами и оборудованием при условии их секулярного характера использования. Термин *neutrality* в этом новом значении стал активно использоваться многими судьями, что неизбежно повлекло за собой преобразование, по словам А. Сеше, «историческую адаптацию» понятия и языкового знака.

Многочисленные дебаты между судьями способствовали оформлению такого контекстуального значения слова *neutrality* как «возможность использовать в других целях». Значимость принципа использования помощи не по прямому назначению, в других целях, проникает в речь судей вариативными сочетаниями с термином *divertability*: *the divertability of secular government aid / divertability rule / the divertability rationale*.

Технологический прорыв поставил вопрос о дифференциации типов помощи церковным школам. В самом деле, считают судьи, если двадцать лет назад помощь учебниками и школьным оборудованием считалась *neutral*, а значит конституционной, то почему в современном мире нельзя оказывать помощь компьютерами и оргтехникой. С каждым последующим упоминанием в речи судей в термине накапливается все более богатое содержание, возникают все новые и новые признаки. Термин развивается в функциональном модусе: *"to insure that no religion be sponsored or favored, none commanded, and none inhibited"*, в модусе пространственных отношений: *"seek to define the boundaries of the neutral area between the Religion Clauses within which the legislature may legitimately act"*, в категориальном модусе: *a "neutrality test . . . should focus on a category of aid that may be directed to religious as well as secular schools, and ask whether the scheme favors a religious direction"* и ряде других.

Тем не менее, многочисленные модусные оттенки увязываются в единственное целостное значение, которое разделяется практически всем языковым коллективом Суда: *neutrality* есть противостояние не только между интересами государства и церкви, но и между принципами, регулирующими эти взаимоотношения. Таким образом, на второй стадии, названной нами стадией специализации, благодаря массовому использованию этого термина происходит постепенное модусное наполнение соответствующего понятия [Никитин 1997: 309].

С начала восьмидесятых годов термин *neutrality* получает новое осмысление в значении «недифференцированной помощи в условиях равного доступа к возможности получения государственной помощи». Иными словами, нейтралитет сменяется потребительской «уравниловкой» между государственными и религиозными организациями при распределении массовой государственной помощи. С каждым последующим делом фокус судей все больше смещается с природы помощи (секулярной - идеологически нейтральной, как это было на второй стадии), на ее общедоступность, массовый характер («*generality of the approved government services*»). Одновременно терминологическое гнездо *neutral - neutrality* дополняется звеном *neutrally*, которое становится контекстуальным синонимом термина *lawfully*: *Religious institutions need not be quarantined from public benefits that are neutrally available to all*. Вступление термина *neutrality* в третью стадию, стадию респециализации, отражает идеологическое смещение американской правовой системы от социального равенства к потребительскому уравнительству.

С наступлением двадцать первого века термин *neutrality* вступает в четвертую фазу - стадию систематизации. Особенностью данной стадии является использование термина прежде всего в сопоставлении с другими, в активном поиске языковым коллективом места этого термина в системе: *"the message is one of neu-*

trality rather than endorsement; if a State refused to let religious groups use facilities open to others, then it would demonstrate not neutrality but hostility toward religion." На данном этапе термин *neutrality* становится родовым для целого ряда видовых *content neutrality, viewpoint neutrality, media neutrality*, создавая возможность для дальнейшего смыслового развития общего понятия.

Таким образом, проведенный нами анализ более чем 800 контекстов (более 100 судебных разбирательств) с участием данного юридического термина за столетний период показал, что термин *neutrality* претерпевает в речи судей четыре стадии развития (номинализация, специализация, респециализация и систематизация). Начальный этап развития знака представляет собой попытки отдельных членов коллектива использовать термин применительно только к определенным ситуациям. С увеличением углов зрения происходят многократные попытки найти и обозначить связи термина и понятия в разных ситуативных контекстах. На второй стадии (специализации) происходит стихийное закрепление этого языкового выражения. В ходе эволюции, тем не менее, обнаруживается, что ряд первоначальных выявленных признаков носит случайный или субъективный характер. В новых условиях смысловое поле термина подвергается постоянному переосмыслению группой на предмет адекватности отражения нужных смыслов. Респециализация термина, имеющая менее массовый, но гораздо более жесткий характер, выполняет некую революционную функцию в общем эволюционном развитии термина. По нашим наблюдениям, именно на стадии респециализации становится ясно, какое из многочисленных употреблений терминов является более адекватным. Высокий уровень разработанности в языке данной сферы права, большой багаж знаний об анализируемой правовой реальности позволяет судьям выйти на нужный уровень терминологической рефлексии, необходимой для четвертой стадии - стадии систематизации.

Анализ материала показал, что приведенная нами выше системно-логическая линия развития концепта дополняется эмоционально-образной линией. На протяжении всего столетия развития понятия *neutrality* ряд судей обращались к метафорическому осмыслению данной юридической проблемы. Так, например, с дела *EVERSON v. BOARD OF EDUCATION OF EWING TP.*, 330 U.S. 1 (1947) в текстах судебных решений Верховного суда США закрепилась метафора "*wall of separation*". Судья Блэк призывал к сохранению стены между государством и церковными учреждениями и предостерегал коллег, что со временем в этот ряд встанет строительство и обслуживание зданий, материальное обеспечение учителей и т.д., поэтому стена между государством и церковью должна быть *high and impregnable*. Позднее метафора *wall of separation* была подхвачена судьей Франкфуртером, который, опираясь на традиционные ценности англосаксонской культуры "*good fences make good neighbors*" фактически легитимизирует такое понимание.

В середине века судья Бургер предлагает отказаться от метафоры стены. Констатируя, что стена постепенно превратилась в *blurred, indistinct, and variable barrier*, он вводит метафору *entanglement: No perfect or absolute separation is possible; the very existence of the Religion clauses is an involvement of sorts - one that seeks to mark boundaries to avoid excessive entanglement*. Следует отметить, что как системно-логическая, так и эмоционально-образная линии развития понятия *neutrality* характеризуются вариативным языковым оформлением. Ведущая метафора *wall of separation* в речи судей неоднократно заменялась на *shield*, более поздняя метафора *entanglement* в текстах периодически перекликалась с *line of demarcation*, а *three-prong test* - варьировался с лексемой *tool*.

Таким образом, перед нами раскрывается закономерная картина. Критические периоды перемежаются стабильными, и они являются переломными, поворотными пунктами в развитии, лишняя раз подтверждая, что развитие есть диалектический процесс, в котором переход от одной ступени к другой совершается не только эволюционным, но и революционным путем. Сосуществование системно-логической и эмоционально - образной линий языка определяет вектор эволюции юридического понятия и языкового знака *neutrality*. Повидимому, взаимодействие этих линий, отражающих разные уровни мышления человека (синтагматическое и парадигматическое), является движущей силой развития. Переключение с одного уровня мышления на другой снимает когнитивные ограничения, способствуя переходу членов языкового коллектива на следующий уровень концептуализации понятия. Представляется, что довольно жесткие объективные системно-логические между понятиями составляют скелет системы, определяющий самое ее существование. Гибкие эмоционально-образные звенья создают то богатство возможностей, которое обеспечивает адаптивную терминологическую деятельность в самых различных условиях.

Список использованной литературы

1. Никитин М.В. Курс лингвистической семантики. Санкт-Петербург. Научный центр проблем диалога. 1997. – 766 с.
2. Сеше А. Программа и методы теоретической лингвистики. Психология языка: Пер с фр. / Вступ. статья В.М. Алпатова. - М.: Едиториал УРСС, 2003. -264 с.